

АБАЙ КУНАНБАЕВ

Абай Кунанбаев – великий поэт, писатель, общественный деятель, основоположник современной казахской письменной литературы, реформатор культуры в духе сближения с русской и европейской культурой на основе просвещенного, либерального ислама.

Абай родился 10 августа 1845 года в Чингизских горах Семипалатинской области (по нынешнему административному делению) от одной из четырех жен Кунанбая, ага-султана Каркаралинского окружного приказа. Семья Абая была потомственно аристократической, и дед (Оскенбай), и прадед (Иргизбай) главенствовали в своем роду в качестве правителей и биев. Ему повезло в смысле семейного уюта и домашнего воспитания, поскольку и мать Улжан, и бабушка Зере были чрезвычайно обаятельными и одаренными натурами. Именно с легкой руки матери данное отцом имя «Ибрагим» было заменено ласкательным «Абай», что означает «осмотрительный, вдумчивый». Под этим именем он прожил всю свою жизнь и под ним же вошел в историю.

Начатое в раннем детстве приобщение к устному творчеству народа и домашнее обучение у муллы было продолжено в медресе имама Ахмед-Ризы. Одновременно он учился в русской школе и к концу пятилетней учебы начинает писать стихи. С 13 лет Кунанбай начинает приучать Абая к административной деятельности главы рода. Ему пришлось вникнуть в межродовые тяжбы, ссоры, интриги, и постепенно он испытал разочарование ко всей административно-политической деятельности, что и привело к тому, что в возрасте 28 лет Абай отходит от нее целиком, занявшись самообразованием. Но только к 40 годам он осознает свое призвание как поэта и гражданина, в частности поставив под стихотворением «Лето» свое имя (ранее он приписывал свои сочинения другу Джантасову Кокпаю). Значительным импульсом в раскрытии высоких потенциалов Абая стало в этот момент его общение с ссыльными русскими – Е.П. Михаэлисом, Н. Долгополовым, С. Гроссом. Обращение Абая к России и русской культуре, испытавшей в XIX веке свой период «бури и натиска» в литературе и искусстве, оказалось тем более естественным, что в восточной традиции поэтическое слово ценилось чрезвычайно высоко. Абаю оказалась близка поэзия Пушкина, Лермонтова, Гете и Байрона. Он в своих переложениях их на русский язык тонко передавал дух переводимых стихов и адаптировал к мироощущению соплеменников.

На протяжении 20 лет чрезвычайно разносторонне расцветает гений Абая, он завоевывает необычайный авторитет, огромную и доселе в степи не встречавшуюся популярность. К нему стекаются акыны, певцы, композиторы, вокруг него толпится талантливая молодежь, создается социально-философская и литератур-

ная школа. Сыновья радуют Абая своим творческим задором, он задает им темы, так же как и многочисленным ученикам. Примечательны среди предложенных тем исторические сюжеты, связанные с национально-освободительной борьбой за независимость (Аблай, Кенесары, Шамиль).

Но Абай как властитель дум вызывает дикую зависть, бешеное озлобление, проявлявшиеся в самых грязных, коварных формах. Последние удары судьбы связаны со смертью Абдрахмана и Магавьи. Он отверг лечение недуга и добровольно обрек себя на смерть. Он похоронен около своей зимовки в долине Жидебай, вблизи Чингизских гор, на 60-м году жизни...

Я с утеса кричал,
 Мне простор отвечал –
 Отвечали горы и дол.
 Но услышав звук,
 Я искал вокруг:
 Как, откуда тот звук пришел?
 Был все тот же утес иной –
 Отклик есть, но отклик пустой.

* * *

Велика у меня,
 Широка родня –
 Одиноким быть нет причин.
 Велика семья, но не понят я
 И живу среди людей один.
 Как могила шамана, я
 Одинок – вот правда моя!

Нельзя полностью понять трагическое ощущение одиночества, испытанное Абаем, без учета двух обстоятельств. Первое и самое принципиальное обстоятельство состоит в том импульсе к преобразованию культуры народа, который Абай дал. Речь идет прежде всего о словесной культуре, о поэтической традиции. Казахская специфика фольклора, несмотря на свою традиционность, и до Абая не исключала индивидуального творчества, о чем свидетельствует сохранившиеся имена акынов, певцов, сказителей, композиторов, импровизаторов, мастеров поэтического состязания, биев-диалектиков. Абай во все это привнес совершенно новое качество. Он влил в культуру казахов целый поток образов, форм (сатира, лирика, откровения, пейзажная лирика, исповедь), сюжетов, идей из иных культур и традиций, что означало включение казахской культуры в мир большой культуры классических цивилизаций и привитие свойственных последним духовных опытов к традиционной культуре казахов. В числе этих инокультур и арабская культура в таких ее крупнейших документах, как «Коран» и «Тысяча одна ночь», а вместе с ней эллинистическая традиция Аристотеля и Александра Македонского. Затем – тысячелетняя персидская культура и литература, которая уже в традиции семьи Абая вошла в его сознание с детства и закрепилась сознательным обращением к творчеству Фирдоуси, Саади, Низами, Навои, Физули. Совершенно новым, дотоле неизведанным был для казахов до Абая (за исключением хрестоматийных

текстов Алтынсарина) мир русской культуры в связи с европейской культурой и европейской традицией. Но опорой восприятия Запада является глубоко осознанный Восток, приверженность исламу.

Есть сюжеты, которым самой судьбой предназначено кочевать. Подобно мифу об одноглазом чудовище, перенесенном из степи в Средиземноморье в виде гомеровского Полифема, один из сюжетов Гете через российские равнины дошел до степных кочевий в виде известных, положенных Абаем на музыку стихов. Лермонтов перевел гетевскую «Ночную песнь странника», от этого и оттолкнулся Абай в своей элегии «Қараңғы түнде тау қалғып». Такие совершенно разные культурные пласты (традиции) были Абаем органически претворены и органически приживлены к древу казахской традиции. Именно в этом творческом сплаве – сила Абая, мощь его культурного воздействия, ни с кем не сравнимая всенародность творчества. Вызывает, к примеру, удивительное сходство казахского песенного творчества с оперным искусством, но оно становится вполне понятным в контексте импровизаций Абая. Сказанное о вкладе Абая в казахскую культуру будет не до конца логичным, если мы не упомянем того, что творчество Абая не замыкается рамками сохранившихся текстов и мелодий, а включает в себя могучее воздействие его личности. Он выступал в качестве бия советчика, рассказчика, ненавязчивого наставника, учителя, организатора неофициальной школы талантливых литераторов, просветителя, который в беседах, в разговорах щедро делился прочитанным, продуманным.

Все сказанное, казалось бы, говорит о прочной, нерасторжимой и творческой связи Абая с окружением, с народом, о встречах потоках симпатий и откликов, исключающих саму возможность трагического одиночества. Но жизнь, как правильно заметили наши предки зороастрийцы, не состоит из одних только светлых начал, в ней есть место для темных сил зла, которые неустанно стремятся уничтожить добро. Раньше по марксистским схемам сходные с жизнью Абая ситуации объяснялись достаточно просто, чем и подкупали умы неискушенных и даже искушенных людей. Говорилось, к примеру, что были царские администраторы, которым не нравилась сатира и критика Абая, связь его с политическими ссыльными. Говорили о том, что были к тому же коренные «волки», местная правящая верхушка, богатеи-баи, которые возненавидели Абая за его любовь и сострадание к обездоленным. Прекрасная схема, но слишком упрощенная и далекая от жизни. В ней, в жизни, все было гораздо сложнее и страшней. Ведь верно было сказано еще в древности, что «в своем отечестве нет пророка». Плотным кольцом сомкнулись вокруг Абая его ненавистники и недоброжелатели, мелкие завистники и «большие люди из верхов», которые по традиции считают себя «властителями дум». Поистине великий человек – «благородный муж» и остается им в противовес, по выражению Конфуция, «мелким человечкам».

К порывам юные сердца зову,
Я человечность ставлю во главу.
Кто корыстолюбив и бессердечен,
Тот мелкий человек по существу.

Разве безжалостные строки о человеческих пороках казахов не стоит обратить к сегодняшнему дню? Ведь мы привыкли относиться к великим людям прошлого

с почтением, вспоминая имя, забывая их советы и наставления. Разве перевелись «рабы суеты», «торговцы честью», «плуты, хлыщи и казнокрады», «ловчилы» и «рвачи»?

Стяжатели вылезли гордо на свет.
За деньги все рады позорить и чтить,
Мгновенно в любой перекрасившись цвет.

Кто при жизни, да и сейчас хотел бы попасть под меткий язык Абая, который призвал:

Пора уже в конце концов
К столбу пригвоздить подлецов!

С сарказмом говорит о тех, кто выдает себя за новоявленных «батыров»:

«Батыры» те
Нас к нищете
И бедам привели,
Нагла их рать...

А на самом деле их кредо:

«Не зевай!» – вот их мудрость и честь.

Надо представить себе казахское общество Абаевской эпохи в целом. Это прежде всего колония со всеми атрибутами смеси имперской и колониальной психологии, чванством, самодурством, лизоблюдством, наглостью, внутренней ущербностью. Но это одновременно традиционное общество, где вся жизнь человека на виду, где человека не оставляют в стороне с его заботами и переживаниями, а постараются залезть в самую душу, внести семена подозрений и вражды, интриги, сплетен в ближайшее окружение. Невидимый глазу айсберг несовместимости с подлинным величием, большим человеческим сердцем на поверхности всплывал полицейской слежкой, сыском, враждебными действиями, вплоть до покушения на жизнь, клеветой и доносами... Воистину был прав Лермонтов: восстал он против мнений света один как прежде и всегда. Но творчество Абая при всей его трагичности, вопреки превратности судьбы, вопреки всем ненавистникам, крепко вросло в толщу народного сознания и продолжает питать его плодотворными импульсами. Не удалось противникам Абая самое страшное, чего они хотели добиться: сомкнуть кольцо вокруг поэта так, чтобы слово его осталось безответным. Они просчитались в главном. Такое слово, как слово Абая, не могло остаться абсолютно неслышанным. Искреннее слово, как сказал М. Бахтин, «всегда ищет ответного понимания и не останавливается на ближайшем понимании, а пробивается все дальше и дальше», а потому и бездонно в смысле глубины понимания.

Особое место в творчестве Абая занимает «Қара сөз», под этим наименованием объединены 45 «Слов», небольших законченных фрагментов, выраженных

в тщательной художественной, стилистически обработанной прозаической форме. Это и непосредственное обращение к читателю, откровенный разговор-собеседование, это и «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», это и философия жизни отдельного человека на фоне судеб народа. Термин «қара» (черный) в сочетании с термином «сөз» (слово) чрезвычайно многозначен: это и обозначение прозы в отличие от рифмованной речи и текста, это и обозначение печали, и, наконец, обозначение, идущее от тюркской традиции, важного, значительного, первостепенного главного. «Қара сөз» по жанру близки к тому, что в чингизовской традиции называлось «билик», метким изречением, рассказом о жизненном примере, имеющем значение образца. По европейской традиции, это – жанр «максим», «афоризмов», «бесед». А по сути «Қара сөз» – исповедь. Данное на русском языке название этому произведению «Слова назидания» звучит сухо, морализаторски, менторски-наставительно. Но с ним приходится считаться как высказывание перед лицом мира, и прежде всего собственной совестью, жанр – известный в мировой литературе со времен Марка Аврелия, Петра Абеляра, Блезя Паскаля и Жан-Жак Руссо. Но для тюркской литературы и казахской в особенности в силу преимущественно эпического характера, – но не только, – «обнажение души», обнаруженное в «Словах назидания», – явление беспрецедентное. Исповедь – чрезвычайно ответственный жанр. Он требует от писателя предельной честности и искренности, здесь противопоставлены малейшая фальшь и рисовка. Вот почему «Слова назидания», хотя и в отдельных элементах имели в последующем развитии духовной культуры казахов восприимчивых, но в целом, в особенности для всего периода полного подчинения московскому центру, не нашли сколько-нибудь достойного продолжения. «Слова назидания» не просто исповедь, а страстный призыв, обращение, манифест к своему народу, желание быть услышанным, понятым и принятым. Абай хочет, чтобы его голос не остался гласом вопиющего в пустыне. Канва повествования начинается с зачина, казалось бы, сугубо индивидуального: «Хорошо ли я прожил до сегодняшнего дня, но пройдено не мало... Но вот когда уже виден конец пути, когда обессилел и устал душой, я убеждаюсь в бесплодности своих благих стремлений, в суетности и бренности человеческой жизни». Так подводит Абай итог собственной жизни и объясняет решение записать «свои мысли». «Может быть, кому-то придется по душе какое-нибудь мое слово и он перепишет его для себя или просто запомнит, и если нет – мои слова, как говорится, останутся при мне». Но трагизм ситуации не в обычной сентенции по поводу бренности жизни и свойственной ей суеты сует. «Хоть и существую я, но поистине мертв. Не могу разобраться, в чем причина: то ли в бессильной досаде на сородичей, то ли в отверженности от самого себя, то ли еще в чем-то. По всему внешнему виду я вполне здоров, изнутри же мертв. Смеюсь ли, не чувствую радости. Что бы ни делал, говорю ли, смеюсь ли – все это как совсем не мое, а кого-то иного» (собственный перевод).

Такая опустошенность означает, что человек не получает извне духовных откликов, что не обнаружилось никаких проблесков, никаких опор для уверенности в возможностях окружения...

Суровый счет, предъявленный поэтом своим братьям-казахам, мало что оставляет для утешения. Абай откидывает в сторону всякие внешние обстоятельства и разговор заводит по существу тех ценностей и ориентиров, которые заводят казахов в тупик: ложное самомнение в превосходстве над другими, праздность,

леность, индивидуализм и групповщина, мелкое тщеславие, зубоскальство и глупый смех, потеря совести, высоких стремлений, отсутствие согласия и единения, почтение к вора, злодеям и мошенникам... Откуда вошел в кровь «гордого степняка» целый сонм этих дурных качеств? И это ли есть «мой народ, который я люблю и к сердцу которого я ищу тропу?» Поэтому в упомянутом девятом слове речь идет не просто о личном духовном самочувствии, а о состоянии и судьбах народа. «Не пойму, – пишет Абай, – как я отношусь к своему народу... питаю к нему неприязнь или люблю? – Если б любил, то без малейшего сомнения одобрил бы его нравы и среди всех черт нашел бы хоть одну, достойную похвалы. Моя любовь не давала бы погаснуть вере, будто мои соплеменники обладают качествами, присущими великому народу. Но нет у меня этой веры. А если бы не любил, то не разговаривал бы с сородичами, не советовался, не доверял бы им сокровенные мысли. Просто не мог бы общаться с ними, и не было бы мне дела до того, что среди них происходит. Откочевал бы, чтоб с глаз. Но не смог сделать и этого».

И в поисках того, как обрести качества великого, а не мелкого униженного народа, Абай не видит других путей, как возрождение лучших традиций прошлого, духа предков (аруаха), сочетающегося с потоком времени просвещенного ислама, которой он называет сознательной верой, противопоставляя ее «слепой вере». И, конечно, все это связано с культом разума, направляемого благородным и чистым «сердцем», говорит Абай. Он всячески предостерегает против узкопримитивного понимания знания как просто средства к карьере. Абай зорким сердцем предчувствовал, что к плодам просвещения и традициям народа постараются прильнуть различные демагоги, потворствующие на самом деле только своим личным интересам и развязывающие темные инстинкты масс. Это они внушают народу ложные ценности, путая ловкость с храбростью, святость с хитростью, честь с богатством, авторитет с наглостью, а затем говорит Абай в 44-м слове – «они делают свой выбор, прощупав пульс казаха и определив, какое из перечисленных «достоинств» сейчас больше в цене и принесет им выгоду». «При этом каждый мнит себя самым необходимым для народа человеком».

Основное чувство, пронизывающее «Слова назидания», – это боль по поводу неразвитости основной части народа и надежда, вера в могущество разума и внутренних потенций, накопленных историей. «Кто отравил Сократа, сжег Жанну д'Арк, распял Христа? – спрашивает поэт. – Толпа. Значит, у толпы нет ума. Сумей направить ее на путь истинный. Чтобы народ перестал быть толпой, нужны образованные люди, пекущиеся о народе, необходимо возникновение потребности в культуре и в самообразовании. Все эти процессы потребуют целеустремленности, махом не перескочишь к высотам культуры. Человек должен как минимум освободиться от нужды в хлебе насущном, ибо только в виде исключения, редчайшего случая кто-то способен преодолеть все препятствия, замыкающие человека в рамки повседневной борьбы за существование. Главное в процессе обучения состоит в том, что оно должно принести ученику радость познания». Поэт протестует против «насилия со стороны родителей и мулл, которые убивают в детях искренность».

В педагогической системе Абая первостепенное значение отводится нравственному примеру и языкам. Через родной язык впервые открывается окно в мир. Широта взгляда, общечеловечность обязывает изучать языки других народов.

Испытанный им самим путь приобщения к европейской культуре Абай пропагандирует как всеобщее значимый путь приобщения к достижениям европейской цивилизации. «Знать русский язык – значит открыть глаза на мир», – говорит Абай в 25-м слове. Но знать русский язык не значит пресмыкаться и раболепствовать перед царским чиновником. Тут двуединая задача – освоить чужие достижения и на этой основе осознать свое достоинство и отстаивать его. «Знание чужого языка и культуры делает человека равноправным с этим народом, он чувствует себя вольно, и если забота и борьба этого народа ему по сердцу, то он никогда не сможет остаться в стороне». Отталкиваясь от общего правила, что тот, кто способен воспринимать чужую культуру, делает шаг к более широкому взгляду на мир, научается к самокритичности и к преодолению ограниченности, Абай еще раз настаивает: «Русская наука и культура – ключ к осмыслению мира, и, приобретя его, можно намного облегчить жизнь нашего народа. Например, мы познали бы разные, но в то же время честные способы добывания средств к жизни и наставляли бы на этот путь детей, успешнее боролись бы за равноправное положение нашего народа среди других народов земли». Именно в концовке этой фразы, в призыве бороться «за равноправное положение нашего народа среди других народов» лежит самый глубокий корень того обстоятельства, что последующее за Абаем поколение интеллектуалов, объединившихся вокруг Алаш-Орды, восприняло Абая как свою духовную предтечу, как духовного вождя возрождения казахской нации. Это – Алихан Букейханов, Миржакып Дулатов, Ахмет Байтурсынов, Магжан Жумабаев, вся блестящая плеяда талантливых деятелей начала и первой трети XX века, уничтоженных безжалостной рукой большевистской опричнины и их приспешников, жалких Сальери. Двигаясь в русле Абаевского наследия, последователи Абая смогли поднять его на новую высоту. Прежде всего они создали круг интеллектуального общения, то, чего так не доставало Абаю, чувствовавшему себя в духовном вакууме. Абай, как Валиханов и Алтынсарин, по сути дела действовали в одиночку, предпринимая индивидуальные усилия. Во-вторых продолжатели заветов Абая связали общие нравственные требования с конкретной политической программой обретения независимости и социально-экономического прогресса. Эта высота была утрачена за годы тоталитарного режима. Возврат к ней на новом витке истории, когда Казахстан юридически обрел независимость, был бы самым лучшим памятником Абаю.

Представление о том, почему даже официально признанное творчество Абая как человека, призывавшего «учиться у русских», вкладывалось до последнего времени в определенные ограниченные рамки «литературы», понимаемой в узком виде школьной дисциплины, может дать одна газетная полемика в августе 1928 года. Уровень полемики – целиком сверх догматичный по-марксистски, но внутренние мотивы официоза зато предстают в обнаженном виде. Предпосылки полемики таковы: надо «покритиковать» Абая, «разбить» его именно за «философию». Сделать это надо во имя того, чтобы не появился соблазн признать Абая «духовным вождем нашего молодняка» со всеми последствиями: тут тебе и ислам, и культ предков, и призыв быть «жүреқты», «сердечным, мужественным» сыном своего народа, и многое другое. Незыблемый постулат одного из полемистов состоял в следующем: «Наш научный метод познания – материалистическая диалектика, и нашей молодой казахской общественности следует учиться не у Абая, а у Маркса, Плеханова, Ленина и других классиков марксизма». Что поэтому следует делать?

Ответ таков: «Одна из первоочередных задач партийной организации Казахстана на идеологическом фронте состоит в том, чтобы покончить с абаизмом, как с обычным буржуазным хламом. Поэтому в кратчайший срок необходимо мобилизовать все культурные силы партийно-советской общественности Казахстана против Абая и его единомышленников». К чести казахской интеллигенции нашелся человек, который усомнился в необходимости организовать целый «фронт» для борьбы с Абаем и «абаизмом». Естественно, ему пришлось закамouflировать свою позицию частоколом принятых идеологических стереотипов и внешне присоединиться к официозу. Отсюда оговорка: «Грубо неосторожный поход... способен только усилить фетишизм вокруг имени Абая и породить разброд понятий на идеологическом фронте в нашей партийной организации». Назовем первого автора – «разрушителем абаизма», а второго – защитником. Согласно версии первого в деятельности Абая различаются два периода. В первый период Абай стоит за сохранение и реставрацию казахской родовой общины. Получив «отпор от действительности», Абай становится «идеологом нарождающейся казахской буржуазии», о чем свидетельствует суждение о необходимости преодоления родовой вражды, призывы к культуре, знаниям, прогрессу. Вся философия Абая «безнадежная теология», на самом деле прикрывающая «интересы товарно-капиталистических отношений... и даже идеологию теперешней казахской националистической интеллигенции». Более изобретательно приходится рассуждать тому, кто взял на себя миссию отстоять Абая. Он вынужден «признавать» Абая не как философа, а только как «родоначальника казахской классической литературы», добавляя от себя его значимость как «общественника своего времени». Главные упреки, которые добротой хочет отвести от Абая, – это его духовное влияние на «националистическое движение» и на «алашординцев». Сейчас мы можем со всей ответственностью сказать: именно в том, что Абай оказал влияние на нарождавшуюся национальную интеллигенцию начала XX века, состоит одно из непреходящих достоинств Абая как выразителя сокровенных дум казахского народа. Конечное определение столь близко к духу нашего времени второго оппонента, можно воспринять целиком: «Абай – общественно-публицистический идеолог нарождающейся новой общественности своей эпохи» (полемика воспроизведена по журналу «Абай», 1992, № 2).

Время для такой масштабной оценки фигуры Абая пришло.

Первым, кто способствовал сбору и изданию полного собрания сочинений, своду данных о жизни и деятельности Абая, был упомянутый выше Кокбай Жанатайұлы (1864–1927). Громадная работа по всем линиям абаеведения принадлежит М. Ауэзову. Помимо сугубо научных исследований жизни и творчества классика казахской литературы он благодаря роману «Абай» запечатлел свое имя подле Ибрагима Кунанбаева.

